

Глава 11

Иллюзорный сон самообмана

Чун Мо — так звали пациента.

— Вовсе нет.

Мужчина, которого Сяо Цзи назвал по имени, одарил его мягкой улыбкой.

— Я каждый день был рядом с тобой, малыш.

Сяо Цзи хранил молчание. Чун Мо протянул ему розу.

— Тебе не нравится моя картина?

— Я ничего не чувствую, — честно ответил он.

Хорошее произведение искусства должно вызывать эмоциональный отклик: радость, тревогу или воодушевление. Но для него любая картина, какой бы теплой и прекрасной она ни была, отзывалась лишь меланхолией и беспросветным отчаянием.

То же касалось и поэзии. Он не умел наслаждаться искусством и даже испытывал некое отвращение к вещам, способным затронуть струны души.

Призрак придвинулся ближе. Он осторожно взял бледную ладонь врача с длинными изящными пальцами и прижал её к своей щеке. Не встретив сопротивления, он счастливо рассмеялся.

В слабом сиянии свечи казалось, будто прекрасный юноша нежно ласкает лицо своего спутника. В воздухе разлилось тягучее, почти интимное напряжение.

Однако следующие слова врача мгновенно разрушили эту атмосферу.

— Ключ ведь у тебя?

— У меня.

Он потерялся подбородком о ладонь юноши.

[!!! Шок! У этого призрака реально есть ключ!]

[Мой мозг за этим не поспевает... Почему я даже рядом с новичком не стою? Мне пора в мусорный бак, а не стримы смотреть.]

[Этот парень чертовски силен! Чувствую, после отборочного экзамена клубы будут драться за него.]

[Если он вообще выживет на экзамене Призрачного Барона...]

[Ну и где тот ветеран-третьекурсник, который тут распинался?]

— Почему ты не следуешь правилам? — спросил собеседник. — Тебе следовало найти все фотографии и, согласно цифрам на обороте, написать мне любовную элегию. Тогда бы я отдал тебе ключ.

Таков был истинный сценарий игры, а не попытка заявляться к нему напрямую. Тот внимательно вглядывался в лицо напротив. Светлые, прозрачные, как лед, глаза Сяо Цзи всегда оставались во власти холодного рассудка. Они напоминали драгоценный янтарь — безупречный, но застывший, подобно зеркальной глади стоячей воды.

— В этом нет смысла, — отрезал юноша.

Он усмехнулся:

— Разве можно судить о делах сердечных с точки зрения смысла?

Мужчина вздохнул и добавил:

— Впрочем, забудь. Скажи мне сейчас: «Я люблю тебя», и я отдам тебе ключ. Идет?

В его голосе слышалось столько смирения, что это было почти похоже на мольбу. Сяо Цзи смотрел на него сверху вниз и заговорил лишь после долгой паузы:

— Ты обманываешь себя. Ты прекрасно знаешь, что в реальности я бы не стал этого делать.

Ни писать любовных писем, ни признаваться в чувствах юноша бы не стал. Собеседник просто цеплялся за призрачный сон, полный самообмана.

Улыбка призрака стала горькой.

— Ты не хочешь даже солгать мне?

— Если тебе нужна ложь, я могу наговорить тысячи, десятки тысяч красивых слов, — бесстрастно произнес тот. — Но, Чун Мо, в этом нет смысла. Я не стою твоей любви.

Как бы тот ни старался, Сяо Цзи никогда не ответит взаимностью. Он просто не мог ощутить «любовь» — это слишком яркое, сжигающее чувство. Он был эмоциональным калекой, безумцем, не знающим, как любить других.

Призрак тяжело вздохнул.

— Стоишь.

Он с улыбкой сжал руку юноши. Его тело начало медленно таять в воздухе, а на ладони врача проступил контур изящного золотистого ключа.

— Ничего не могу с собой поделать, — в его голосе прозвучала почти нежная забота.

Полупрозрачная фигура подалась вперед, заключая возлюбленного в прощальные объятия.

— Я никогда не жалел, что полюбил тебя. Это мой выбор. Единственное, о чем я сокрушаюсь перед уходом — что не успел позаботиться о своем младшем брате. Он еще совсем ребенок, ничего не знает об этом мире...

— Я присмотрю за ним, — торжественно пообещал Сяо Цзи. — Если выберусь отсюда живым.

— Спасибо.

Нижняя часть его тела уже окончательно растворилась. В последний миг он прильнул к самому уху юноши и прошептал:

— Пусть это бессмысленно... Но я... я всё еще хочу услышать эти слова... Пожалуйста... обмани меня, хорошо?

Он крепче сжал круглый нефрит на груди и тихо заговорил:

— Ты мне нравишься. Моя жизнь потеряет всякий смысл без тебя. Ты — единственный, кто мне дорог.

Чун Мо исчез. Где-то вдалеке послышалось эхо едва различимого смеха. Буйно разросшиеся розы начали увядать, а тяжелый, душный аромат наконец рассеялся. Сяо Цзи с ключом в руках

вернулся к кругу света.

[М-да, Красавчик Сяо тот еще подлец.]

[Такой типаж: соблазняет, даже не осознавая этого. Прирожденный манипулятор.]

[Холодный красавец и коварный искуситель в одном флаконе. Я влюбилась.]

[А я уже штаны снимаю.]

[Чего?]

— Доктор Сяо, вы просто невероятны! Пара слов — и ключ у нас! — парень из пары тут же подскочил к нему с лестью.

— Брат Сяо, кто это был? — на лице Дуань Вэньчжоу впервые за долгое время не было улыбки. В его голосе отчетливо слышались нотки ревности.

Сяо Цзи на мгновение замешкался:

— Просто знакомый.

«Знакомый? И вы так обнимались?! Ой, врешь ты призраку в глаза!» — Дуань Вэньчжоу недовольно фыркнул.

— Нам нужно скорее искать дверь! — прошептала девушка. — Пока свеча не догорела. Сяо Цзи-то ничего не будет, а мы все трупы!

— Насчет двери у меня уже есть зацепка.

Сяо Цзи поднял свечу, освещая стену палаты. В слабом мерцании пламени на гладкой поверхности проступили очертания серой двери.

Видимо, она была покрыта особым составом, видимым лишь при свете этой свечи. Если бы из страха перед тьмой они побоялись выйти из круга защиты, то никогда бы не нашли выход.

Днем игроки могли собирать артефакты, но ключи и путь к спасению были скрыты в ночи. Лишь получив прощение от призрака, которого ты когда-то погубил, можно было спастись.

Это и было истинное покаяние.

Дверь распахнулась. Призраки с нескрываемой злобой наблюдали, как люди один за другим покидают комнату. В этот момент от белой свечи оставалось ещё чуть меньше половины. Сяо Цзи, уходя последним, оставил её на столе.

До самого конца они так и не увидели Пленника.

Пленник в одиночестве мчался по бесконечным коридорам больницы. Его лицо исказила гримаса ужаса, от бывшего высокомерия не осталось и следа.

Вслед за ним, размахивая тесаками, неслась женщина в пропитанном кровью платье. Её лицо застыло в чудовищном оскале.

— Муж...

Она кричала и рыдала одновременно. Из пустых глазниц тонкими струйками стекала алая кровь.

— Муж! Почему ты не подождал меня и Малыша Баоэра?

На его спине уже зияла глубокая рубленая рана, из которой толчками выходила кровь.

— Это быстро, совсем не больно! Ты ведь сам нам так говорил. Теперь твоя очередь!

Из её живота, разорвав плоть, высунулась голова младенца. Малыш заливался звонким смехом и тонко выкликивал: «Папа!»

— Не преследуй меня! Инъин, я всё понял! Я раскаиваюсь! — вопил он.

Но та оставалась безучастна.

— Дай мне убить тебя. Тогда я поверю в твоё раскаяние.

«Проклятье!» — выругался тот про себя. Ему оставалось лишь надеяться, что Сяо Цзи и остальные уже нашли выход.

Он не был дураком и понимал, что в одиночку ему не спастись. Просто решил, что в той палате слишком опасно, и под предлогом поисков нашел укромное место, чтобы переждать. Он планировал вернуться, когда другие откроют путь, и воспользоваться плодами чужих трудов.

Но кто же знал, что эта ночь затянется, а сила призраков возрастет? Эта сумасшедшая всё-таки нашла его!

«Быстрее, быстрее!»

Его легкие работали на износе, напоминая старые, дырявые кузнечные меха, но он не смел замедлиться ни на секунду.

Наконец мужчина добежал до палат на втором этаже и увидел распахнутую настежь дверь, рядом с которой мерцал огонек свечи. Сяо Цзи не забрал её с собой, и это стало для него единственным шансом на спасение.

Яркий свет заставил женщину отпрянуть. Она не могла сделать ни шагу в круг сияния. Пленник наконец перевел дух. Почувствовав себя в безопасности, он смачно плюнул в сторону призрака и прохрипел:

— Тварь! Гни заживо вместе со своим ублюдком! А я ухожу!

Женщина разразилась пронзительным, безумным визгом.

Но стоило ему занести ногу над порогом, как ледяная рука, подобно стальным тискам, намертво вцепилась в его плечо.

Он поднял голову и увидел лицо, от которого кровь застыла в жилах. Это был Чэнь Чэн — мужчина в костюме, погибший в предыдущей комнате.

— Дружище, что же ты уходишь, не прихватив меня с собой?

По лицу Чэнь Чэна стекала черно-бурая кровь, а глаза затянуло ледяной пеленой. Его некогда благообразный облик превратился в кошмарную маску смерти.

<http://bllate.org/book/15850/1423476>